

ЗЕРКАЛО ЛЖИ

*Кривда ранит,
но не убиває*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДИАНА ЗОТОВА

Диана Зотова

Зеркало лжи

<https://litres.ru/74374104>

SelfPub; 2026

Аннотация

Под крики Золотовых и закатывания глаз Роберта, продолжение речи святого отца, она бежит к выходу из церкви, а я с улыбкой ей вслед смотрю.

Красиво бежит, однако. Волосы по воздуху за ней струятся, а она свадебное платье задирает до середины бедер, а потом я ржу в голос, когда она Семи туфлей со своей ноги прямо в рожу бросает, а через захват Дани и вовсе проскальзывает.

- Моя уже? - спрашиваю у святоши.

- Разве ей есть куда деваться, Диас? В документах распишусь за вас. Догоняйте свою жену, - вздыхает святоша и собирает свои вещи с алтаря.

Усмехаюсь ему и иду за пташкой, которой даже имени не знаю, под крики Золотовых, возмущение Роберта на них за дочь строптивую и недолжное ее воспитание, под стоны хватающегося за нос Семи и смеющегося над ним Дани.

Я иду за ней. За той, что осмелилась сбежать от меня.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Зеркало лжи

Глава 1

Маленькое счастье

Александра Кисть нежно скользит по холсту, словно танцуя в ритме утренней симфонии. В ушах — чарующая мелодия, которая проникает в самое сердце, заставляя его биться в унисон с голосом певицы. Лёгкие наполняются свежим воздухом, и каждый вдох отзывается в душе трепетной радостью.

Это волшебное раннее утро — моё любимое время суток. Каждое утро прекрасно по-своему, но именно в эти часы мастерская становится моим личным раем. Пока весь мир ещё спит, я погружаюсь в мир красок и образов, где нет места суете и тревогам.

Здесь только я, моя безграничная фантазия и рассвет, который робко заглядывает через панорамные окна, заливая помещение тёплым золотистым светом.

Лучи солнца играют на поверхности готовых работ, оживляя их новыми оттенками и переливами. Каждая картина словно дышит, рассказывая свою уникальную историю. В

этом священном пространстве, где время будто замедляет свой бег, я чувствую себя по-настоящему живой. Здесь рождаются мои мечты, здесь оживают самые смелые фантазии, здесь я становлюсь частью чего-то большего, чем просто художник.

Музыка приглушается, и я резко поворачиваюсь к телефону. Знакомый номер на экране заставляет меня нахмуриться. Сердце замирает, когда я вижу, кто звонит — это моя сестра Мария. Её лицо на экране выглядит измождённым, под глазами залегли глубокие тени, кожа бледная, с влажным блеском пота.

— Здравствуй, Александра, — произносит она нежным, но усталым голосом.

Я не могу дышать. Всё внутри сжимается от тревоги, пока я всматриваюсь в её облик. Больничная палата за её спиной подтверждает мои худшие опасения. Но вдруг... её губы растягиваются в слабой, но искренней улыбке, и моё сердце начинает биться снова.

— Ты родила, Мария! — выдыхаю я, и горячие слёзы радости катятся по моим щекам.

Её улыбка становится шире, и я вижу в её глазах столько счастья, что моё собственное сердце готово выпрыгнуть из груди.

— Да! — с трудом, но всё же смеётся Мария, и в этом смехе слышится столько счастья и усталости.

— Кто? — не могу сдержать улыбку, вытирая слёзы радо-

сти.

— Тот, кто и должен был родиться, Саша. Ты же знаешь результат третьего скрининга, — её улыбка становится ещё теплее.

Я смеюсь, потому что сестра права. Несмотря на расстояние между нами — она в Гонконге, а я здесь, — я знаю о каждом её шаге, о каждом визите к врачу, о каждой перемене в её состоянии. Мы делились всем: и радостями, и тревогами.

Мы не рядом физически, но наши души всегда вместе. Мы двойняшки, связанные невидимой нитью, и даже те шесть минут разницы при рождении не могут разорвать эту связь.

Мария — моя вторая половинка, моё отражение, моя опора. И теперь у нас есть Хим — маленький человечек, чьё имя я знала заранее, чьё появление на свет я ждала с таким же трепетом, как и сама Мария.

Нет... У нас есть с Марией родители, но их только этим словом можно назвать, а по факту они нам ими не являются. Они были рядом лишь до нашего совершеннолетия, а потом произошло то, что навсегда изменило наши отношения.

Они насильно выдали Марию замуж за китайского партнёра отца — это было не что иное, как скрепление финансовых уз, а не брачных. Отец неплохо заработал на этой «сделке», и теперь они с мамой управляют транспортной компанией по всей стране, живя в своём счастливом мире, где нет

места заботам о судьбе одной из дочерей.

Я не смогла простить им этого предательства, и Мария тоже. Теперь у неё есть только я, а у меня — только она, несмотря на то, что я всё ещё живу в родительском доме. Но даже здесь я чувствую себя чужой — мне ясно дали понять, что жить одной, без их присмотра, мне запрещено.

Почему так — мне неизвестно.

Одно радует — меня, по крайней мере, замуж никто не выдаст. Когда я почти год страдала от разлуки с сестрой, родители только твердили, что мне повезло, что я должна быть благодарна судьбе. «Скажи спасибо Марии!» — орал тогда отец.

— Спасибо, Маш...

— Не начинай, — вздыхает она. — У меня вроде всё хорошо, и мы любим друг друга. Хотя эти четыре года были настоящим адом. Всё же прилюбились, как тогда говорила мать, — снова вздыхает сестра. — Только родителям ничего не говори.

— Не скажу.

В её словах столько боли и усталости, что у меня сжимается сердце. Я знаю, какой ценой ей далось это «всё хорошо». Знаю, через что ей пришлось пройти, чтобы построить свою жизнь, пусть даже и навязанную родителями.

Но сейчас главное — что она счастлива, что у неё есть Хим, что она нашла в себе силы жить дальше. А я... Я буду рядом, сколько бы километров нас ни разделяло. Потому что

мы — одна душа на двоих, и никакая сила этого не изменит.

— Покажи мне племяншку, — шепчу я, затаив дыхание.

— Малыш сейчас у папы на руках. Ким дал мне отдохнуть, а я не могла не позвонить тебе сразу, зная, что ты уже в своей оранжерее, — усмехается она устало.

— В мастерской! — поправляю я с улыбкой.

— Раньше это была оранжерея, — поддразнивает сестра.

— Да, была, — соглашаюсь я, — но теперь это моя мастерская. Больно было рожать? — спрашиваю и сглатываю.

— Да, но чувство, когда его ко мне рядышком к сердцу приложили... Это было незабываемо. Такое словами не объяснить. Я надеюсь, ты сама это испытаешь, когда найдёшь свою любовь, — улыбается Мария.

— Я в заточении, — напоминаю я с горечью. — Мне её никогда не отыскать.

В моём голосе слышится безысходность. Родители держат меня словно в золотой клетке, контролируя каждый шаг. Никакой личной жизни, никаких отношений — только работа в мастерской, редкие разговоры с сестрой по видеосвязи, беседы с прислугой, словесные перепалки с ними за завтраком, обедом и ужином.

Мария молчит несколько секунд, а потом тихо произносит:

— Ты обязательно её найдёшь...

Но я знаю — в её словах больше утешения, чем уверенности. Мы обе знаем, насколько сложной может быть борьба

за собственное счастье, когда против тебя целая система родительского контроля и их властных решений.

Наверное, кто-то мечтает родиться в богатой и влиятельной семье, а может быть, уже родился и искренне верит, что это билет в счастливую жизнь. Но...

Мечтающий не подозревает, какой ценой достаются эти богатства, а тому, кто родился в такой семье, предстоит горькое открытие. За внешним блеском и роскошью скрывается мир, где правят балом только деньги, власть и лицемерие. Здесь плетутся интриги, расцветает чёрная зависть, а искренность и честность становятся роскошью, недоступной даже самым богатым.

В этом мире нет места настоящей любви. Она исчезает в тот момент, когда мальчик становится наследником состояния, а девочка превращается в инструмент для укрепления деловых связей. Здесь чувства измеряются не сердцами, а банковскими счетами, а счастье определяется не душевной близостью, а размером приданого.

В такой семье ребёнок учится не любить, а выживать. Он постигает науку расчёта вместо искусства быть искренним, изучает правила игры во власть вместо уроков доброты. И только редкие души способны сохранить в себе свет человечности, не позволив золотому блеску ослепить их истинное видение жизни.

Я так хочу простого человеческого счастья! Настоящего, искреннего, без условностей и расчётов.

Моя сестра... Она пожертвовала собой ради меня. В тот роковой день она сделала шаг вперёд и сказала, что Ким ей приглянулся. Она спасла меня от той же участи, что выпала ей — быть пешкой в чужой игре. Своим решением она подарила мне шанс на счастье, который я теперь обязана найти — за нас обеих.

Иногда я думаю: имеет ли она право так жертвовать собой? Ведь она могла бы жить так, как хочет, любить того, кого выбирает сердце. Но она выбрала долг, выбрала семью, выбрала меня. И теперь я чувствую эту огромную ответственность.

Каждый день я мечтаю о том, что когда-нибудь смогу отплатить ей тем же. Найти своё счастье и сделать её счастливой, показать, что её жертва не была напрасной. Но пока... Пока я словно птица в золотой клетке, красивая, но лишённая свободы.

И всё же я верю. Верю, что однажды смогу вырваться из этого замкнутого круга, найти свой путь к счастью и доказать сестре, что её жертва не была напрасной.

— Они дома? — спрашивает сестра, с трудом сглотнув.

— Да, — выдыхаю я, — ночью с Карибов вернулись.

— Александра! — раздаётся мамин голос где-то в коридоре.

— Сообщили, — вздыхаю я.

— Да, — вздыхает сестра, — я люблю тебя.

— Я тебя сильнее, — улыбаюсь и отключаю видеозвонок.

Кисть снова ложится в руку. Я продолжаю рисовать, погружаясь в мир красок и образов, пока мама мечется по дому, громко зовя меня.

Её крики эхом отражаются от стен, но здесь, в моей мастерской, за закрытыми дверями, я нахожу свой островок спокойствия.

Каждый мазок на холсте — это маленькая победа над реальностью. Здесь, в этом пространстве, я могу быть собой, могу мечтать и надеяться. И пока кисть скользит по холсту, я чувствую, что даже в самые тяжёлые моменты у меня есть то, что помогает держаться — моя сестра, моё творчество и вера в лучшее будущее.

Думала так я, пока не села с ними завтракать.

Глава 2

Нарушив обещание, знай что тебя возненавидят

Александра— Родители не в духе прилетели, — шепчет Галина, аккуратно раскладывая завтрак по тарелкам.

Милая пухленькая женщина, которая относится ко мне с теплотой, несравнимой с материнской заботой. Она всегда рядом — подскажет, поможет, поддержит в трудную минуту. Её искренность и доброта согревают душу, когда весь остальной мир кажется холодным и чужим.

Возможно, именно благодаря ей я немного округлилась — ведь под её увлекательные истории и действительно вкусные блюда просто невозможно не есть. Она обладает удивительным даром — делать даже самый обычный завтрак особенным.

Хотя в талии я осталась прежней, грудь и бёдра стали более пышными. Теперь даже сложно поверить, что мы с Марией двойняшки — настолько разными стали наши фигуры. Она всегда была хрупкой, словно тростинка, а я... Я стала более женственной, более заметной.

Интересно, изменилась ли она после беременности? Так хочется увидеть её вживую, хотя бы на мгновение...

— Александра! — раздаётся мамин крик.

Мы с Галиной переглядываемся и синхронно закатываем глаза.

— Пошла, пока не начала визжать, — киваю я Галине и направляюсь в столовую.

Выхожу из кухни и тут же натываюсь на ледяной взгляд матери. Она стоит в роскошном платье винного цвета, и её пронзительно-синие глаза буквально прожигают меня насквозь.

— Я же тебя сюда привела! Как ты на кухне-то оказалась? — ворчит она, когда мы подходим к столу, ломящемуся от изысканных блюд.

Я никогда не понимала смысла этого огромного стола на двенадцать персон. С этими мыслями занимаю своё привычное место, выпрямляю спину и жду появления отца — без его разрешения трапеза не начнётся, это неприлично.

— Ножками, мама. Как и сюда пришла, собственноручно, — отвечаю я.

— Дерзишь? — усмехается она. — Похвально. В меня характером пошла, — подмигивает.

«Не дай боже», — проносится в голове. Её характер — последнее, что я хотела бы унаследовать. В нём слишком много жестокости, расчётливости и безразличия к чужим чувствам.

В воздухе повисает тяжёлое молчание, и я буквально кожей чувствую, как напряжение нарастает с каждой секундой.

Спиной ощущаю, как отец спускается по лестнице к завтраку.

— Всем доброе утро! — бросает он, усаживаясь во главе стола. Мы с мамой занимаем свои места по обе стороны от него.

Кому «всем»? В этом доме, кроме нас троих, никого нет, а слуги все попрятались...

Отец берёт нож и отрезает кусочек творожного сыра. Мы с мамой машинально следуем его примеру, словно два послушных робота.

— Мария родила, Игорь! — довольно сообщает мама, явно пытаясь привлечь внимание отца.

Кошусь на его лицо — он уткнулся в свой телефон, жуёт хлеб с сыром и лишь мычит в ответ, давая понять, что услышал. Бессердечный...

— Мальчик! — продолжает мама, повышая голос.

— Кристина, — вздыхает отец и вдруг взрывается: — Мне не до этого! Ты же знаешь, что я звонка жду! Возьми и поздравь за нас двоих. Мне-то об этом зачем вещать?

Его слова хлещут словно пощёчина. Для него рождение внука — всего лишь незначительное событие, не стоящее внимания.

— Я думала, эта новость хотя бы настроение тебе поднимет, — хмыкает мама.

Поразительно...

— Настроение поднимется, только когда он мне перезво-

нит и сообщит положительный ответ! — ворчит папа, не отрываясь от телефона.

Интересно...

— А в чём проблема? — решаюсь я спросить.

— Вот позвонят мне, тогда и узнаешь! — рывкает отец.

— А если не позвонят, тогда тоже узнаешь... Когда будешь жить в какой-нибудь квартирке без денег и питаться не крабовой пастой и икрой лососёвой, а бич-пакетами!

«Да поскорее бы так, — думаю я с горечью. — Может, хотя бы тогда меня бы в магазин за этими пакетами пешком из дома выгоняли!»

В этот момент раздаётся звонок на его телефоне, и они вместе с мамой буквально подпрыгивают на месте. Папа начинает тяжело дышать, хватаясь за сердце, и нерешительно тянется к телефону. Мама стоит, сложив ладони и прижав их к губам, словно молится о чём-то.

Я наблюдаю за этой сценой, выгнув вопросительно бровь и машинально жуя тост с крабовой пастой. В голове крутятся тревожные мысли, пока родители разыгрывают этот странный спектакль.

— Здравствуй! — начинает отец. — Конечно, Роберт! Я всё подготовлю до завтра! Да, мы вылетим завтра! Скоро сроднимся, до встречи! — тараторит он, и последние его слова застревают у меня в горле ледяным комком.

«Сроднимся»... Это слово эхом отдается в голове.

Мама, всё ещё державшая руки у губ, наконец опускает

их и смотрит на меня с торжествующей улыбкой. В её глазах читается: «Видишь, как всё хорошо складывается?»

— Игорь? — спрашивает мама, натянуто улыбаясь отцу.

Он смотрит на неё серьёзно секунду, а потом расплывается в улыбке и торжественно провозглашает:

— Собирайте вещи! Мы летим в Швейцарию на свадьбу!

— громко объявляет он. — Получилось, Кристина. Он согласился выкупить у нас долю, — поясняет папа.

Я сглатываю и продолжаю непонимающе переводить взгляд с лица отца на лицо матери.

— Он возьмёт её в жёны? — уточняет мама.

— Да! — быстро отвечает папа.

— Кого? — спрашиваю я, с трудом выговаривая слова.

— Тебя, Александра! — смеётся мама. — Ты будешь завтра женой Леона Диаса!

Воздух словно застывает в лёгких. Кровь отливает от лица, а в голове начинает звенеть. Это не может быть правдой... Не может быть, чтобы они снова решили распорядиться судьбой дочери, как пешкой в своей деловой игре, ведь они обещали, что не будут...

— Нет! — кричу я, с силой ударяя по столу. — Вы обещали, что нет! Машу выдали! Сказали, что больше такого не будет! Вы же обещали! — кричу во весь голос, и слёзы катятся по щекам.

— Это ваши прямые обязанности! Обещали — да! Но у компании большие финансовые проблемы, которые создал

один криминальный авторитет! Я с ним не сравнюсь! А вот влияние Леона может помочь. Поэтому ты отдана ему в жёны, чтобы он взял нашу семейную компанию под своё крыло! И мне тут очередные истерики не нужны, Александра! — кричит отец, срывая голос.

А я лишь хватаю ртом воздух, но, кажется, это бесполезно — лёгкие словно парализовало, они больше никогда не смогут дышать свободно. В голове пульсирует одна мысль:

«Это не может происходить со мной. Только не снова. Только не меня».

Мир вокруг начинает кружиться, краски тускнеют, а звуки отдаляются. Я чувствую, как земля уходит из-под ног, как последние надежды рушатся в одно мгновение. Они продали меня, как и Марию. Снова. И на этот раз уже меня.

Встаю резко со стула, смотрю на самых отвратительных для меня людей долгим, полным ненависти взглядом, пуская слёзы горечи. Мама лишь вздыхает, а папа закатывает глаза. Сглатываю ком в горле и бегу в свою комнату, чтобы позвонить сестре и выплакаться, поделиться своей болью...

Но когда оказываюсь в комнате, мой палец замирает над её именем в контактах. Внезапно приходит осознание: сегодня нельзя. Сегодня не тот день. Ведь именно сегодня она испытала настоящее счастье — родила ребёнка. Нельзя омрачать этот момент, нельзя тревожить её сейчас.

Сажусь на кровать, обхватываю колени руками и молча плачу. В этот момент в мою комнату врывается мама. Она

начинает ходить, разглядывая полки, словно впервые видит, где что стоит за эти четыре года. Потом складывает руки и вздыхает:

— Саша, не всё так плохо! Твои ровесницы только о таком и мечтают! Да на Машу посмотри! Она счастлива, любит и ребёночка сегодня родила во имя любви! Меня ведь тоже насильно выдали, но я ведь люблю вашего папу! — заявляет она, пытаясь говорить ласково и успокаивающе.

И, как в тот день с Марией, добавляет:

— Прилюбится, солнышко.

Её слова звучат как издевательство. Как она может сравнивать? Как может говорить о любви, когда речь идёт о принуждении? В её логике нет места чувствам, только холодный расчёт. И теперь она пытается убедить меня в том, что я должна принять свою судьбу, как когда-то приняла она.

Но я не она.

Глава 3

Пташка

Леон - Леон!

Дядя резко выдергивает меня из царства снов, его голос звучит как раскат грома в тихой комнате. Одеяло летит в сторону, и прохладный воздух тут же пробирает до костей.

Голова пульсирует, словно в ней устроили дискотеку с тяжёлым басом. Последствия мальчишника дают о себе знать — вечеринка, начавшаяся ещё вчера вечером, плавно перетекла в рассветные часы. Я ведь изначально не планировал участвовать в этом безумии, но как можно было отказаться, когда пацаны устроили такой праздник в мою честь? Они появились внезапно, и их энтузиазм был заразителен. Не подержать их было просто невозможно.

Теперь же я расплатился за свою слабость головной болью и недовольством дяди, который явно не разделяет моего энтузиазма по поводу ночных гулянок.

В итоге мы в клуб перебрались и там пошалили в пьяном угаре, дальше ещё лучше. Позвонили мне и сообщили, что доставили из моего родного края крупного должника, и мы в

дом вернулись. Я бил, пока он молил о пощаде, я пинал, даже когда он уже нашел в своей лысой голове возможность, где достать долг. Убил в честь зарождения новой, сука, счастливой семьи! Аха-ха-ха.

- Ты, блять, такая! Вставай! - кидается на меня Роберт, а я отшвыриваю его и с улыбкой поднимаюсь с кровати.

Беру пачку сигарет и вытаскиваю губами одну. Прикуриваю зажигалкой, а потом кошусь на время, и причина становится ясной как день, почему вдруг дядя озверел. До регистрации брака полчаса, а меня от вдоха сигаретного дыма ещё хлеще накрыло...

Ой...

Похер, я помыться успею.

- Они уже в церкви! - рычит он, встав передо мной.

Улыбаюсь, щурясь от едкого дыма, а потом в него клубок его выпускаю.

- И? Я когда-то на встречи опаздывал? Нет. Я когда не делал того, что ты просил? Нет. Да, я напился и отпраздновал свое ебанное окольцевание, что, права не имел? Нет, я имел, - вдыхаю дым сигарет и смотрю на него, улыбаясь, тыча в его грудь пальцем.

- Ты вчера значимого человека грохнул! Деньги где?! Раскромсал его как животное в клочья! Тебе пить нельзя! Башню ведь сносит! - кричит он, когда я в ванную иду.

- Всё, изверг? - спрашиваю, остановившись. - Езжай в церковь. Я скоро буду, - усмехаюсь и иду в душ.

Честно? Задолбал со своей опекой! Родителей грохнули, когда мне было пятнадцать лет. Прямо в мой третий юбилей пришли в дом и убили. Роберту пришлось в свои руки на три года всё взять, а после я права получил, но у этого фляга поехала, думая о том, что он мне наставником является по сей день.

Признаю. Роберт меня притормаживает, да и видно, что заботится. Но мне похер.

Вот даже в этом случае, точнее, женитьба эта... Она ведь не моя затея, да я вообще не согласен был, но дядя на уши сел и два дня мне кричал, что мы так корни пустим свои легально. Считай, транспортная компания по всей стране, и будет в этом наша доля, а всего-то нужно жениться на их дочке и покровительство над всей этой компанией взять.

Мне это на хер не надо было, ведь и так хорошо, но дядя продуманный и хочет для нашего бизнеса большего, чтобы рос и чтобы отросток этот легальным был. Согласился только потому, что он достал, зная, что брак ненадолго, да и нужно-то только ребенка ей заделать и всё, все счастливы.

Выхожу из душа, а мне Костян, дворецкий, уже приготовленный костюм подает. Трусы, носки, брюки, рубашка, ремень и пиджак с белым цветочком в кармашке.

- Бабочку ещё, Леон, - протягивает он мне черную.

- Роберту иди надень, - смеюсь я и, отмахнувшись, покидаю свою комнату.

Только выхожу из комнаты, как меня два придурка у две-

рей поджидают. Даниэль и Семиуэль, проще говоря и как я их называю - Даня и Семи.

- Зверствовал? - хмыкает Семи, говоря о Роберте.

- Насрать, - отмахиваюсь. - Выбесит и сам к алтарю пойдет, значит.

- Будешь? - протягивает бутылку абсента Даня.

Слюни потекли, и я сглотнул, пытаюсь взгляд отвести и отрицательно головой покачать, да только не смог. Голова гудела и требовала тишины, ноги ломало и требовало расслабления. Потому схватился в бутылку и запрокинул, сделав внушительный глоток.

Сели в тачку, посмеялись от души, а потом вылез из тачки и под гогот друзей пошел в церковь, подкуривая сигарету. Шел и видел две довольные рожи Золотовых, которые дочь свою мне на смерть отдают.

Хмыкаю, представляя, как рыдать будут по случаю её кончины. Кстати о ней...

Стоит ко мне задом, пока я не спеша иду и зрительно ей оценку даю. Не жирная, не мясистая, проще говоря, малышка по сравнению со шведками. Тонкая талия, округлые бедра, прямая спина и в платье белом, похожем на сорочку.

Все в моей родной стране такие или мне только вот такое недоразумение досталось?

Я в своем краю в последний раз был в тринадцать лет. Родители сюда пригнали, потому что у отца проблемы были и поэтому фамилию поменять пришлось, впрочем, как и пас-

порта.

Надо бы наведаться на родину, посмотреть владенья свои, а то филиалы работают, ребята трудятся, а главный их до сих пор в Швейцарии скрывается. Не дело...

Смеюсь про себя, когда гогот друзей раздается по всей церкви. Подхожу к алтарю и выбрасываю сигарету в сторону. Рука в кармане, вид властелина и взгляд убийцы, чтобы святой отец молчал и не плакал.

- Заткнулись! - кричит Роберт моим гогочущим, когда я у алтаря рядом с ней встаю.

- Дилас! Так к церкви относиться нельзя... - начинает святоша, и видно, как ручки его дрожать начинают.

- Вы же знаете, я безбожник, отец. Так что не лечите мне мои мозги и крестите, - оскаливаюсь, видя его сглатывание.

- Регистрируйте, - нервно и тихо поправляет меня.

- Да мне по хер, - морщусь я и на ту, что рядом, взгляд бросаю.

Светло-русые волосы, струящиеся до талии. Стоит, дышит размеренно и смотрит на святого отца, словно ей больше смотреть некуда и её я ни хера не волную.

Носик маленький вздернутый чуть подрагивает. Губы хорошие - пойдет. В общем, милая, как говорят, хоть на этом спасибо. Пока трахать буду для продолжения рода, не противно будет.

Святоша вещает, а я на девку кошусь. Маленькая, мне так вообще по плечо. Кулачки сжимает, видно, как напряжена,

а потом слегка жаль стало, что я аж чуть на всю церковь не захохотал, когда она слезинку одну пустила и я за ней проследил. Упала капля на вырез и скатилась к дорожке между грудей, которые при соприкосновении с ней сразу мурашками покрылись.

Ладно... У меня привстал.

Телефон в ее руке засветился и провибрировал, но она виду не подала, а только сильнее его сжала в кулачок и воздуха много в себя вбрала. Потом её как ветром сдуло, она сиганула к выходу из церкви.

Я ни хера делать не стал, потому что сбежать она все равно не сможет, ведь у выхода пацаны сидят и уже встали, чтобы поймать пташку.

Под крики Золотовых и закатывания глаз Роберта, продолжение речи святого отца, она бежит к выходу из церкви, а я с улыбкой ей вслед смотрю.

Красиво бежит, однако... Волосы по воздуху за ней струятся, а она свадебное платье задирает до середины бедер, а потом я ржу в голос, когда она Семи туфлей со своей ноги прям в рожу попадает, а через захват Дани и вовсе проскальзывает.

- Моя уже? - спрашиваю у святоши.

- Разве ей деваться есть куда, Дилас? В документах распишусь за вас. Догоняйте свою жену, - вздыхает святой отец и собирает свои вещи с алтаря.

Усмехаюсь ему и иду за пташкой, которой даже имени не

знаю, под крики Золотовых, возмущение Роберта на них за дочь строптивую и недолжное ее воспитание, под стоны хватающегося за нос Семи и смеющегося над ним Дани.

Выхватываю у Дани бутылку абсента, влив себя несколько глотков, и выхожу из церкви, обнаруживая уехавшую черную навороченную тачку.

Подготовилась, значит.

Глава 4

Семейная драма

Александра

— Мария! — кричу я, не сдерживая слёз, и бегу босиком по холодному асфальту к маленькому дому. Сестра стоит рядом с Кимом, который держит на руках крошечное чудо.

Слёзы льются ручьём, пока я мчусь к ней, и она тоже бежит мне навстречу, плача от счастья. Время словно останавливается. В этот момент нет ни дыхания, ни сердцебиения — только чистое, незамутненное чувство воссоединения.

Все движения происходят словно на автопилоте, будто последние капли адреналина управляют моим телом. Но когда наши объятия смыкаются, сердце вдруг начинает биться с невероятной силой. Мы сжимаем друг друга так крепко, будто боимся больше никогда не увидиться.

Целуем щёки, рыдаем вместе, не в силах посмотреть друг другу в глаза из-за слёз. Радость от встречи с сестрой, от возможности обнять её, почувствовать её тепло переполняет меня. Но вместе с тем внутри каждой из нас живёт своя боль, своя горечь, и мы плачем, сжимая друг друга так сильно, что кажется, наши тела, души и боль сливаются воедино.

— Всё закончилось, Саша, — плачет она, осыпая моё лицо быстрыми поцелуями. — Я не отдам тебя, не отпущу, они не посмеют! — рыдает сестра, голос её надывается от эмоций.

— Он ужасен, Маша! Криминальный человек! У него даже совести нет! Он страшный, — выпаливаю я, задыхаясь от боли, пока слёзы ручьём льются из глаз.

— Знаю, Саша. Я знаю... Ким рассказал, что он за человек, — всхлипывает она. — Я не отдам тебя! Я не допущу! Родители поплатятся!

В её словах звучит такая решимость, что на мгновение мне становится легче. Мария всегда была моей защитницей, даже когда мы были маленькими. Но сейчас ситуация слишком серьёзная, чтобы полагаться только на её обещание.

Ким, стоящий в стороне с ребёнком на руках, молча наблюдает за нашей встречей. В его глазах читается понимание и сочувствие, но он не вмешивается — знает, что сейчас нам нужно только одно: быть вместе, чувствовать поддержку друг друга.

Маленький человечек в его руках словно служит напоминанием о том, что жизнь продолжается, что есть свет даже в самые тёмные времена. Но этот свет сейчас кажется таким далёким...

— Частный самолёт уже ждёт! Мы сейчас улетим! Ты всегда будешь рядом! Я заберу тебя... Я заберу, слышишь?! Не плачь, Саша... Прошу, прекрати! — рыдает она, и я плачу

вместе с ней.

Всё кажется возможным. Но в глубине души я знаю: это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Родители не позволяют нам просто так сбежать. Они слишком много поставили на кон, слишком большие ставки сделали в этой игре.

Раздаётся звук подъезжающих быстро машин, и Ким молча подходит ближе, его взгляд полон сочувствия. Он понимает, что мы находимся в безвыходной ситуации, но не говорит ни слова, а только отдаёт Маше ребёнка и встаёт перед нами, закрывая собой и уже стоявшими с ним охранниками.

— Мы справимся, — шепчет Мария, прижимая меня к себе. — Вместе мы со всем справимся.

Я вижу за спиной Кима, как из машин вываливаются три пьяных, смеющихся тела во главе с белобрысым огромным чудовищем. Сглатываю, когда из другой машины выходят родители и Роберт.

— Ким? — удивляется отец и идёт в нашу сторону. — Это что за выходки?! — кричит он.

— Маша! Доченька! — бросается мама к нам, и Маша передаёт мне ребёнка. Маленький свёрток с младенцем ложится в мои дрожащие от горечи и страха руки. Я обнимаю его крепко, целую в маленький розовенький лобик. Улыбаюсь сквозь слёзы, глядя на это маленькое счастье, и уже слышу, как кричит Маша на родителей.

— Ничтожные! Ненавижу! Как вы могли?! — кричит во весь голос и толкает их поочерёдно с гортанным рёвом. —

Вы обещали, что её это не настигнет! Вы клялись мне! Ненавижу! Чтобы вы сдохли!

Все стоят и молча смотрят, как моя двойняшка бьётся за меня и отталкивает наших родителей. Даже эти три пьяных тела, опираясь на свою машину, молча наблюдают. Роберт только позади родителей стоит и хмурится.

— Машенька, успокойся, пожалуйста! — плачет мама и тянет руки к её лицу. — Молоко ведь пропадёт, солнышко, — плачет ещё больше, когда сестра её отталкивает.

— А ну угомонись! — кричит отец на Машу. — Ты родила вчера! Ты любима! Скажи, блять, ещё не счастлива?! Деньги есть, и блага имеются!

— Твари! Ненавижу! Я её не отдам! Она моя кровь! Она моя душа! Я не позволю! — кричит она, срывая голос, и бьёт отца!

Я чувствую, как сердце готово выскочить из груди. Ребёнок в моих руках начинает плакать, чувствуя напряжение в воздухе. А Маша продолжает сражаться за меня, не боясь ничего и никого.

Её крик эхом разносится по улице, и даже пьяные мужчины перестают смеяться, поражённые её яростью и решимостью. А потом я встречаюсь взглядом с белобрысым чудовищем, и меня всю пронизывает ледяной ужас до самого основания костей.

Он вдруг оскаливается, словно животное, и молниеносным движением руки достаёт пистолет. Выстрелы разрыва-

ют воздух, эхом отражаясь от стен домов.

Раздаётся оглушительный плач в моих руках, и я сквозь слёзы пытаюсь успокоить маленькое счастье, пока люди Кима наставляют оружие на смеющееся чудовище.

Мир вокруг словно замирает. Я чувствую, как кровь стучит в висках, как дрожат руки, удерживающие малыша. Каждый вдох даётся с трудом, а сердце готово выпрыгнуть из груди от страха и напряжения.

Я понимаю, что мы зашли слишком далеко. Эта игра в спасение может стоить чьей-то жизни. Но Маша всё ещё стоит, готовая защищать меня до последнего вздоха, несмотря на направленные на неё стволы двух пьяных прихвостней Леона.

— Скажи им опустить пушки, дружище, — смеётся Леон, обращаясь к Киму.

— Больше нет дружбы, Леон. Ты превратился в ничтожество, — твёрдо отвечает Ким.

— Готов за письку жизни лишиться? — смеётся, запрокинув голову, Леон.

— За жену свою готов, — твёрдо заявляет Ким и кивает на Машу.

Леон вдруг фыркает и кивает своим людям, а те в свою очередь опускают оружие.

— Отцом что ли стал? — усмехается ненормальный, смотря на малыша в моих руках, которого я ещё крепче прижимаю к своему сердцу и, кажется, не дышу под страшным

голубым взглядом Леона.

— Да, вчера, — кивает Ким, и его люди опускают оружие. — Отпусти Александру, Лео. Я заплачу. Выплачу сколько скажешь. Жене необходима сестра, — говорит он, сделав к нему навстречу несколько шагов.

— Сума сошёл? — хохочет вдруг идиот. — Нет, конечно. То, что является моим, будет рядом навсегда. Я своим не делюсь, — говорит он и поправляет ворот рубашки Киму, а потом подмигивает мне из-за его спины.

Я начинаю часто дышать и сильнее плакать, прижимая к сердцу малыша. Маша оказывается рядом и обнимает меня и ребёнка, а нас окружают люди, не давая плачущей матери посмотреть на нас и своего внука.

— Ким?! Хватит! Александра должна, как и Маша это сделала в своё время! Я отец, и решение за мной! Пусть идёт к своему мужу, ведь если не пойдёт, то не только я крах потерплю, но и ты увязнешь! — сердито говорит отец, встав между ними.

— Так ты ещё и партнёр? — смеётся Лео, смотря на Кима. — Я скучал, дружок, — отряхивает плечо Киму. — Увидимся, значит, не раз. Поверь мне, я это нам обеспечу, — подмигивает и хохочет, голову в воздух задрав.

Леон вдруг находит меня взглядом и несколько секунд смотрит, прожигая им, скользнув от моих босых ног до глаз, а после рычит:

— В тачку быстро села, пока я тут всех на хер не грохнул!

Тебе, сука, секунда, чтобы ты выбор сделала правильный.

— Я не выйду за тебя! — шиплю я сквозь слёзы.

— Ты уже вышла и законной женой считаешься. Сворачивай драму, пока триггерить не начал, потому что из всех их только ты в живых останешься и страдать будешь каждую, сука, секунду! В тачку села!

Его слова звучат как приговор. Я чувствую, как земля уходит из-под ног, а малыш в моих руках начинает плакать ещё сильнее, чувствуя мой страх. Маша крепче прижимает меня к себе, но даже её присутствие не может защитить от этого кошмара.

Люди Леона сжимают кольцо вокруг нас, а я понимаю, что оказалась в ловушке, из которой нет выхода.

Ким смотрит на меня с жалостью, давая понять, что это чудовище не шутит и не пугает. Сглатывая слёзы и глядя на свою сестру, кричащую от горя, я отдаю ей малыша и целую её в лоб.

Сквозь слёзы я выхожу из круга людей Кима и иду к машине, где ухмыляются прихвостни Леона.

— Саша! Нет! О боже, Ким! Прошу тебя! Сделай что-нибудь! Я умоляю! — кричит во весь голос Маша с плачущим ребёнком на руках.

— Маша, прости меня. Я не смогу, — голос Кима ломается, когда он обнимает её и уводит подальше, закрывая мне вид на сестру.

Я сажусь в машину. Босые ступни стынут на холодном ас-

фальте, а сердце будто разрывается на части. Последние слёзы катятся по щекам, когда я вижу, как сестра исчезает из виду.

Прихвостни Леона переглядываются и усмеваются, словно наслаждаясь моим унижением. В их глазах читается торжество, а в воздухе витает запах пороха и безысходности.

Мне больно, я плачу, а надо мной смеются люди, которые, кажется, живут тем, что ломают судьбы таких, как я. Их ухмылки — острые ножи, вонзающиеся в моё сердце. Каждый смешок, каждое издевательское слово режет душу, словно лезвие.

В салоне машины вонь пороха смешивается с запахом их пота и одеколona. Они наслаждаются моим унижением, смакуют каждую мою слезу, словно это их любимое блюдо. Их глаза полны злорадства и торжества — они видят перед собой сломленную жертву, которую можно растоптать без последствий.

Леон садится рядом, и я пытаюсь сдержать рыдания, но они вырываются наружу, превращаясь в тихие всхлипы. Моё тело дрожит, а разум отказывается принимать происходящее. Как в страшном сне, где ты пытаешься кричать, но не можешь издать ни звука, я наблюдаю, как моя жизнь рушится на глазах, и машина срывается с места, лишая меня всего...

Меня продали во имя финансов и положения какому-то ужасному человеку...

Я уже мертва.

Глава 5

Бывший друг

Леон

Упал в машину, кивнул водителю и схватился за протянутую Семи бутылку. Оглушил горечь в горле и, кажется, снова опьянел, а пока на друга бывшего своего смотрел, трезвел каждую секунду...

Признаться, я завис на перезагрузку, думая, что меня абсент скрыл, когда у меня в глазах две жены оказались ещё и по-разному одетые.

Не понял, как так быстро у неё в руках ребенок оказался. Сначала подумал, мол, нехера я бухнуть решил на десять месяцев, а потом, когда одна из двух кажущихся начала драму разворачивать, выдохнул, понимая, что моя одна из двойняшек.

А потом чуть инфаркт не словил, когда знакомое лицо и взгляд нашел. Ким — лучший друг с пеленок, который хоть и остался в той стране в тот день, но все равно летал ко мне и был рядом.

Мне его не хватало, и я это понял, как только увидел, а потом злость подкатила, когда я вспомнил, из-за чего он от

меня отказался. Просто скрылся с радаров, улетел на Родину и потерялся. Кинул, ничего не сказав.

Не имел ничего общего шесть лет, а вот теперь между нами двойняшки и компания, в которой он партнером является. Заставлю пожалеть, что бросил меня, оставил с ранами и болью, когда я ещё убивался по родителям.

Я был жесток, потому что это требовало нутро: делать больно другим, когда у самого больно пиздец. Он был рядом и останавливать пытался, пока я при нем не убил...

Бывший друг возмужал, впрочем, как и я. Он всегда был физически со мной наравне и сейчас не уступает. Я ведь сначала и не признал, потому что у него и щетина теперь есть, и черты лица огрубели, ширина плеча и рост увеличены. Подкачался и теперь, наверное, ещё жестче в ринге.

Люди его все ухоженные ребята, гладко выбритые и одеты с иголочки. Пушки только старенькие, но красиво было смотреть, как он держится стойко и как его люди преданы ему.

Поднялся, значит, но как смог? На моем юбилее и его родителей ведь грохнули...

- Тусанем или в дом? - смеется и обращается ко мне Даня.

Бросаю взгляд на зажавшуюся девчонку в углу и после кивка на неё выдаю:

- Ее в комнате сначала закрыть нужно, а потом тусанем, - подмигиваю пацанам.

Напиться сейчас необходимость, потому грызут то, что на

хер меня грызть не должно, а мне обрюхатить ее ведь ещё нужно. Пока напьюсь, она как раз в себя придет, чтобы ноги раздвинуть, когда я вернусь.

Пацаны шепчутся, гогочут, а я в окно смотря, пью абсент из бутылки и продолжаю зубами скрежетать от злости на ублюдка, который меня так просто на место поставил, указав, что больше нет никакой дружбы.

Приехали к моим владениям, и я мелкую под локоть подхватив, потащил в дом. Люди двери везде открывали, а она, вытирая слезы, тащилась за мной, пока я её к ней в заготовленную комнату тащил и вливал в себя больше, ибо стремно было до сих пор.

Костян хмурится, встретив меня у её комнаты, а я в реверансе перед ним кланяюсь и за руку женушку свою показываю.

- Женился, - смеюсь.

- Вижу, Леон. Девушке больно, отпусти, - говорит он, складывая руки за спиной.

- На, - толкаю девку к нему, и он её ловит за талию. - Пусть сидит у себя и успокаивается, - хмыкаю и делаю глоток из бутылки под уставший взгляд дворецкого.

И зеленая жидкость в горле застревает, когда я вижу её синий взгляд в красивом, но сморщенном лице, наполненный злобой. Заржал, откашливаясь от увиденного.

- Что смотришь? Отсюда хер сбежишь, Саня!

- Я Александра, - шипит она, и я ещё громче хохочу, хотя

внутри от ее голоса словно пробрало.

Мягкий голос, бархатный такой, словно кошечка на ушко промурлыкала, а не змея прошипела.

- Всем похуй! Будешь Саней, - подмигиваю и разворачиваюсь, устремляясь подальше и в забытье.

Вхожу в наш огромный бар, а пацаны меня с криками и свистом встречают. Смотрю, как на баре синхронно четыре телки танцуют в одних трусах, и, оскалившись, вливаю в себя последнюю каплю из бутылки.

Даня протягивает мне новую, а я, подхватив её, делаю ещё один глоток и, пританцовывая, губами вытаскиваю сигарету из пачки. Семи прикуривает любезно, а я, вдохнув полной грудью табачную гарь, в отрыв пошел.

Танцевал, пил, трогал, курил, всасывался с девичьими губами, но не входил, ибо все решил это спустить. Чтобы точно залетела и девять месяцев занята была хоть чем-то, и я ее нахер не видел перед глазами.

- Я думал, жирная будет, — падает рядом пьяное тело Дани на диван, — а оказалась плоской, хотя на лицо красивая пиздец, — бубнит и в себя вливает веселящую жидкость.

- Можешь пользоваться, но после того как она залетит от меня, — бью его по плечу и стряхиваю на голую ляжку девчонки пепел.

Она шипит от резкой боли и сильнее извивается, сидя на мне.

Ебнутая и на всё готовая шалава, я бы на её месте уже бы

глотку разорвал тому, кто бы так ко мне отнестись посмел, а здесь даже не интересно...

Скидываю её с себя, передав Дане сигарету, и еле волоча ногами плетусь долг супружеский отдавать и кончать.

— Куда? — останавливает вдруг появившийся перед моими глазами Роберт.

— К ней. Ребенка делать, — усмехаюсь и толкаю его в сторону.

Он меня за шкварник хватает и со всей дури в живот бьет, от чего я сгибаюсь и ржу в голос.

— Ты сейчас кусок дерьма и в таком виде ей на хер не сдался, — шипит он мне в ухо.

— Язык шепелявый в жопу себе засунь и не учи меня! Сам же, блядь, сказал, нужно ребенка!? Ей и мне похер на то, в каком я или она состоянии, всё равно скоро сдохнет! — бью его в живот и, расправляя плечи, похрустев шеей, иду к ней в комнату.

Охране у дверей машу свалить, сам толкаю двери плечом и валюсь вовнутрь. Девчонка сидит вокруг своих чемоданов и в окно смотрит молча, даже взглядом в мою сторону не видя.

Ну и заебись...

— Саня! — окликаю её, — в кровать! — показываю пальцем, где она находится.

— Иди, — бросает она и отворачивается.

Не понял...

— Ты иди, — усмехаюсь и рубашку расстегиваю, пошатываясь на одном месте, — ложись, строй счастливое лицо и ноги раздвигай, — выдыхаю, когда наконец рубашку расстегиваю.

Она смотрит на меня скверно, словно сама вся такая скверная, а вдруг встаёт и подходит ко мне быстро. Прямо вплотную херакс и рядом, да ещё и без дрожи в маленьких тоненьких конечностях и без страха в красивых синих глазах.

— Иди к черту, — шипит мне в лицо, брызгая в меня своим ядом.

Стою, хлопаю глазами, не веря и пытаюсь понять, как вдруг так она бесстрашной стала, а потом оскаливаюсь и выдаю ей:

— Я там каждый день тусуюсь.

Она сглатывает, и я под локоть толкаю к кровати. Девчонка падает и ползет подальше, смотря на меня с ужасом, а у меня голова кружиться начинает.

Не вовремя... Да и похер.

Коленями на кровать встаю и ремень расстегиваю, потом ширинку и спускаю трусы с брюками до удивительно поникшего члена.

Тоже похер, ибо встанет всё равно, когда эта ноги раздвинет.

— Раздвигай, — шиплю ей, а она на мой поникший член смотрит с отвращением.

Ха-ха! Ну а чего она хотела? Какая встреча, такой и член!

— Зачем? — шепчет.

— Что непонятного? Супружеский долг!

— Ты пьян, а я девственница, — вздыхает она и отворачивается.

— Блядь такая ты, Саня! — рычу от злости, что, сука, всё самому делать придется.

Хватаю её за ступни и резко под себя утягиваю. Она колотит меня, ревет и на помощь зовет, а я ржу и руки ей над головой фиксирую.

Слёзы льет, кричит, что ненавидит меня, омерзителен я ей, что она прикончит меня и глазом не моргнет, а когда я на ней труссы рву, вдруг ещё больше реветь начинает и умоляет остановиться.

Смеюсь от того, как она быстро гнев на мольбу сменила, хватаюсь за уже стоячий член, сплёвываю себе на руку и размазываю по её киске слюну, пока она рыдает навзрыд и чуть ли не молится в потолок. Снова за член берусь и вхожу в неё по самую её глубину.

Как же она завизжала от боли, что аж в уши ударило, когда я её разорвал. Самому было больно, потому что отвратительно сухо было, но я стерпел и дальше долбить начал, держа её за руки над головой и пытаясь ей другой рукой лицо кричащее и рыдающее закрыть.

Кусается, кричит при каждом моем толчке, а я, чувствуя приближение оргазма, отпускаю её руки и толкаюсь уже со

всей скорости в неё, чтобы излиться поскорее. Кусаю её за плечико маленькое, и она кричит во всю глотку, чувствуя предел наслаждения.

Толчок, и, кажется, изливаюсь в неё в самую глубь, да так, что отключку ловлю молниеносно.

Вот это да... Вот это вставило!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.